

Е. Г. Задворная (Минск, Республика Беларусь)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Роль *эмоциональной оценки* в научном тексте рассматривается современной лингвистикой весьма неоднозначно.

С одной стороны, исследователи не раз отмечали, что такие категориальные качества научной речи, как рациональность, объективность, логичность, обобщенность, блокируют возможность актуализации в научном дискурсе эмоционально-экспрессивно маркированных языковых и речевых единиц, что в полной мере относится и к единицам, реализующим частно-оценочные эмоциональные значения.

Действительно, о маргинальном положении эмоционально-оценочных единиц свидетельствует целый ряд особенностей их реализации.

Во-первых, единицы со значением эмоциональной оценки нередко локализируются в обрамляющих структурных частях научного произведения (предисловиях, послесловиях), причем преимущественно имеющих рефлексивный, т.е., по сути, автобиографический характер. Приведем в качестве иллюстрации несколько небольших фрагментов из предисловия К. Гинзбурга к итальянскому изданию его книги «Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история»:

Летом 1950 года (мне было одиннадцать лет) передо мной оказалась только что выпущенная издательством «Эйнауди» книжка, в которой была собрана часть киноведческих работ Сергея Эйзенштейна. Я прочитал ее в состоянии полной ошеломленности, мало что понимая. <...> К середине 50-х годов мое чтение составляли романы; мысль, что я стану историком, даже отдаленно не приходила мне в голову. Я читал также Лукача, рассуждения которого о Достоевском и Кафке были для меня нестерпимы. <...> Я осознаю, что использовал для описания безобидных умственных занятий смешные в своем драматизме термины борьбы: вызов, препятствие и так далее. Речь, однако, идет о борьбе по преимуществу внутренней. Внутренний голос, который мне возражает, – это никогда не голос моих публичных критиков. Разгромные рецензии иногда меня раздражают, иногда радуют; в любом случае я почти сразу их забываю (пер. С. Козлова).

Очевидно, что насыщенность приведенных фрагментов эмоциональными концептами обусловлена гибридным характером текста: объясняя эволюцию своего научного пути и мотивы выбора тех или иных методологических установок (научный дискурс), автор одновременно повествует и об эволюции «я»-исследователя и «я»-человека (автобиографический дискурс); понятно, что использование таких концептов в основных композиционных частях статьи или монографии, реализующих собственно научный дискурс, выглядело бы не вполне естественно.

Во-вторых, периферийная роль эмоционально-оценочных единиц в научном дискурсе отражается в резком сужении (в сравнении с иными дискурсивными практиками) набора востребованных в нем эмоциональных

концептов; как правило, этот набор ограничен эмоциями удивления и сожаления, ср. ритуальные клише в высказываниях типа *К сожалению, автору не вполне удалось...*; *Вызывает удивление тот факт, что автор...* При этом нельзя не отметить, что в таких контекстах эмоциональная оценка смещается в сторону интеллектуальной или, по крайней мере, с ней сочетается: маловероятно, что речь здесь идет о чувстве жалости или удивления, которые реально переживает говорящий; скорее, подобные эмоциональные включения в текст являются ритуально-клишированным способом смягчения негативной интеллектуальной оценки. Безусловно, в ряде случаев можно говорить о подлинной эмоциональной оценке, не подвергшейся процессам десемантизации и/или модификации, но подобные контексты, во-первых, не отличаются частотностью, а во-вторых, характерны в первую очередь для устных диалогических жанров научной речи (подробнее см. ниже):

Д. Кузьмин: К сожалению, есть много хронических заболеваний, как правило, генетического характера, которые пока, как это ни печально, ничем, кроме таблеток, не лечатся: пока генетическая инженерия не достигла необходимых высот. Увы, тут я буду пессимистом и скажу, что лет 50, к сожалению, это нас ждет, не меньше. Как-то так¹.

Наконец, маргинальность эмоциональной оценки отражается в количественных показателях: по некоторым подсчетам, на долю данного типа оценочных единиц приходится около 2,7 % оценочных контекстов (см. [3]). При этом даже такие – более чем скромные – показатели могут рассматриваться как несколько завышенные: как отмечалось выше, далеко не всегда использование языковых единиц, формально манифестирующих эмоциональную оценку, свидетельствует о реальных эмоциональных переживаниях говорящего. Весьма симптоматична в этом отношении та легкость, с которой единицы, выражающие эмоциональную оценку, синонимизируются с единицами, фиксирующими другие, более органичные для научного дискурса типы частнооценочных значений (интеллектуальные, телеологические, нормативные):

Г. Старостин: У нас две тысячи языков и, если мы скажем, что они распадаются примерно на 200 семей, все равно это для нашей классификации неудобно. Все языки Евразии мы расклассифицировали так, что они распадаются на, может быть, 20 языковых семей. С одной стороны, иметь при этом 200 языковых семей в Африке, никак не связанных друг с другом, для классификации это довольно ужасно.

С одной стороны, лексема *ужасно* является маркером эмоциональной оценки, причем высокой степени интенсивности; с другой стороны, сам факт синонимизации единиц *ужасно* и *неудобно* говорит о том, что, оказываясь в рационально-объективном силовом поле научного дискурса, эмоциональные номинации несколько меняют свой семантический облик и выражают

¹ Здесь и далее при анализе диалогической научной речи в качестве источников материала используются стенограммы докладов и их обсуждений, опубликованные в 2010–2019 гг. на сайте www.polit.ru.

специфические синкретичные (интеллектуально-эмоциональные, нормативно-эмоциональные, эмоционально-телеологические) оценочные значения. В любом случае утверждение, что ученые оценивают создаваемые в ходе научного поиска модели, гипотезы, концепции «иррациональным образом», основываясь на «субъективированном» отношении к знанию «с точки зрения его чувственного восприятия» [1, с. 174], представляется слишком радикальным.

С другой стороны, совершенно обоснованной можно признать и принципиально иную точку зрения, согласно которой «когнитивный и эмотивный варианты ПО (или когнитивная оценка и эмотивная оценка) в рамках креативной научной деятельности взаимосвязаны и неразрывны, предполагают друг друга. При этом эмотивная оценка оказывается не менее важной, чем первая, что объясняется сложностью научного знания и стремлением автора текста изложить свою концепцию, по возможности, не только проще, доступнее для читателя, но и (насколько это допустимо в научном стиле) образнее, даже выразительнее» [2, с. 39]. Здесь важно оговорить два обстоятельства. Во-первых, даже акцентируя значимость и взаимообусловленность интеллектуальной и эмоциональной оценки, исследователи отмечают подчинение эмоциональной оценки общим задачам познавательного, т.е. интеллектуального по своей природе, процесса. Во-вторых, при анализе средств реализации подобных эмоциональных вкраплений в научную речь исследователи предпочитают интерпретировать ее в рамках феномена так называемой интеллектуальной экспрессии (подчеркнем здесь слово *интеллектуальной*, опять-таки возвращаясь к идее о неизбежном насыщении эмоциональных номинаций и конструкций интеллектуально-рациональными смыслами), ср.: «Однако применительно к научному дискурсу речевая выразительность носит специфический характер: принимая непосредственное участие в динамике экспликации *нового* знания, выразительность предстает в качестве интеллектуальной экспрессии» [Там же, с. 40]. Иными словами, в рамках данного подхода речь идет не столько о важности собственно эмоциональной оценки, сколько о значимости эмоционально-экспрессивного выражения интеллектуальной оценки.

Так или иначе, очевидно, что по отношению к научному тексту собственно эмоциональная оценка является относительно периферийным аксиологическим феноменом. Но картина существенно меняется, если обратиться к диалогической научной речи, представленной в первую очередь в жанре научной дискуссии. Понятно, что устная диалогическая научная речь в силу относительной спонтанности, импровизированности и более низкой степени регламентированности и клишированности обнаруживает и более высокую степень эмоциональной вовлеченности ее участников, что не может не отражаться на функционировании эмоционально-оценочных единиц, ср.:

Ермолицев: ... Если многие говорят это меланхолически и с профессиональным бесстрашием, то в ваших словах есть сильный моральный напор и пафос. Я озвучу мнение, высказанное там, за столиками: ваш доклад

был классифицирован как проповедь. Я в этом ничего дурного не вижу. Так вот я бы хотел разделить аналитическую и патетическую части вашего выступления, потому что возникает некоторый диссонанс.

Дондурей: Простите меня за то, что я это переживаю.

Приведенный контекст интересен по целому ряду причин. Во-первых, он отличается впечатляющей концентрацией эмоционально маркированных единиц (*меланхолически, пафос, проповедь, патетический, переживаю*). Во-вторых, использование этих единиц сопровождается любопытным замечанием *Я в этом ничего дурного не вижу*, актуализирующим очевидную оценочную презумпцию. В-третьих, в синонимическом ряду оказываются две, по сути, противоречивые с точки зрения наличия эмоциональных обертонов конструкции: *меланхолически* (т.е. с грустью) и *с профессиональным бесстрастием* (т.е. без каких-либо эмоций). Наконец, докладчик, «уличенный» в акцентированной эмоциональности, за эту эмоциональность то ли всерьез, то ли с долей иронии извиняется. Иными словами, сам факт эмоциональности выступления становится предметом сложных, многоаспектных и амбивалентных метакоммуникативных комментариев, фиксирующих, с одной стороны, необычность, нестандартность такого варианта речевого поведения, с другой – вполне толерантное и скорее даже позитивное отношение к нему со стороны аудитории.

Соответственно, в научном диалоге наблюдается как расширение диапазона выражаемых его участниками эмоций, так и их более интенсивный характер: в устное выступление и вопросно-ответные фрагменты научной дискуссии легко «проникают» единицы, фиксирующие такие эмоции, как изумление, восхищение, восторг и под. В ряде случаев фиксация таких эмоциональных состояний связана с отражением непрофессиональной, наивной оценки:

*А. Жолковски: Возникновением собственного исследовательского интереса к Зоценко я обязан сравнительно позднему знакомству с его автопсихоаналитической повестью «Перед восходом солнца» во второй половине 80-х годов, сначала чисто читательскому и **восхищенному**;*

*А. Лидов: Мы приехали из Москвы, мне было 12 лет, я пришел в Софию Киевскую и провел в ней, по-моему, полтора часа, не закрывая рта в **изумлении** от увиденного. Думаю, что в этом **изумлении** надо искать причину того, что потом я стал заниматься и искусством, и Византией, и иконами, а также и проблемой иконического – все это в конечном итоге восходит к **потрясению** 12-летнего мальчика от увиденной, как я сейчас понимаю, пространственной иконы.*

Но реализация подобных эмоциональных концептов вполне возможна и при выражении профессиональной оценки. Как правило, в роли объекта такой оценки выступают результаты исследовательской деятельности других ученых:

*Вопрос из зала: Добрый вечер, спасибо за вашу лекцию. Скажу честно: меня всегда **восхищает**, когда исследователь видит интертекстуальные связи, мне кажется, что это большое мастерство. Вы начали лекцию с того, что, когда собиралась наша аудитория, вы показывали что-то про «Муму». А вы видите какие-то связи «Муму» с другими произведениями литературы?;*

*Вяч. Вс. Иванов: Мы все **восхищаемся** трудами Бахтина, в частности, его знаменитой книгой о Рабле и философии карнавала, которая для него связана со Средними веками и Возрождением;*

*Т. Черниговская: Прошу сказать, что такое сознание. Я однажды прочла в одной статье и **страшно жалею**, что не я автор этого. Там говорилось, что сознание (и это лучшая метафора, как я думаю) – это ветер. **Просто страдание**, что не я это придумала. Потому что сознания самого никто никогда не видел и никогда не увидит, мы можем видеть только его проявления.*

Несколько реже представлены случаи, когда исследователь фиксирует эмоционально-оценочное отношение к исследуемым объектам/фактам/явлениям либо некоему положению дел:

*А. Левинсон: Под социографией я понимаю типовую ситуацию, когда социальный исследователь встречается с каким-то феноменом, с какими-то проявлениями жизни, которые его **интересуют, ужасают, восхищают** – **вызывают в нем какие-то сильные чувства**. И далее он использует те концептуальные средства, которыми располагает в данный момент своей жизни, описывает или, как говорили в старину, схватывает эти явления и далее их доносит;*

*Б. Долгин: А что насчет перспектив наук о человеке? Нарисована некоторая картина того, что существует к настоящему моменту, в чем-то **вдохновляющая**, в чем-то **очень грустная**. А каков прогноз?;*

*Т. Черниговская: А фокус заключается в том, что мозг, мало того, что сам делает, он иногда сообщает вам о том, что вы приняли решение добровольно. Это что такое? Психологов я начала было этим **пугать**, потому что я это прочла, на самом деле, примерно полгода назад. В **ужасе** была. И психологам говорю, вот, мол, такая **страшная** история, что же делать?;*

Таким образом, формат устного диалогического общения заметно расширяет «рамки дозволенного», пропуская через фильтры институциональных норм научного дискурса нетипичные для монологических письменных его жанров эмоционально маркированные единицы и тем самым внося в партитуру научного общения очень важные ноты эмоциональной вовлеченности, искреннего и неравнодушного отношения ученых к процессу научного познания, к участникам этого процесса, к возникающим в ходе этого процесса трудностям и достигнутым результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженова, Е. А.* Еще раз об оценке в научном тексте / Е. А. Баженова // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр.* – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2003. – Т. 6. – С. 172–187.
2. *Данилевская, Н. В.* Об особом статусе оценки в научном тексте / Н. В. Данилевская // *Вестн. Перм. гос. ун-та.* – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 37–43.
3. *Шиукаева, Л. В.* Отбор и функции языковых средств модуса рациональной оценки в научной речи / Л. В. Шиукаева // *Основные понятия и категории лингвостилистики.* – Пермь, 1982. – С. 143–147.